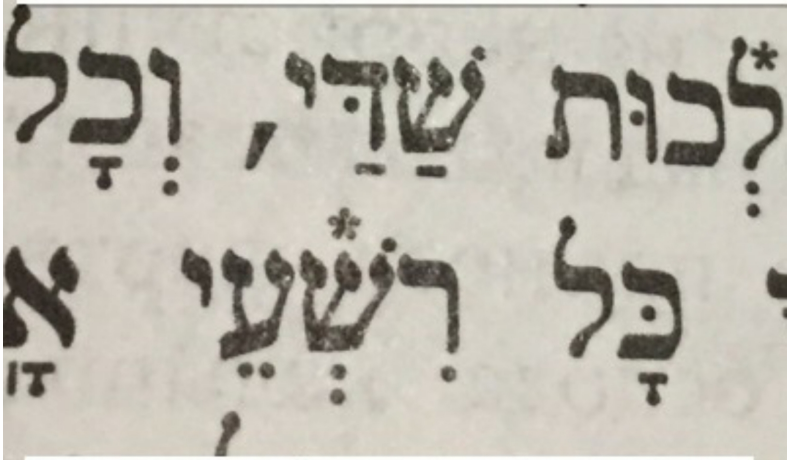
Шин Далет Иод



Ариель Давидович Абарбанель

16+

Ариель Давидович Абарбанель

Шин Делет Ид/Ich bin aid. Проза еврейской жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62162206
SelfPub; 2021
ISBN 978-5-532-98950-4

Аннотация

Перед вами цикл рассказов о жизни евреев – народа, принадлежащего Б-гу-Вседержителю, имя которого состоит из трёх букв: Шин, Далет, Ид.

Содержание

Быть или не быть 4
Питерская мозаика 14
Выращенное в трущобах 16
Голубки 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ариель Абарбанель
Шин Делет Ид/Ich bin aid. Проза еврейской жизни

Быть или не быть

Машина мчалась на большой скорости через знакомые страны, пройденные не раз, перенося меня во Францию, в большой город на Эльзасе, в Страсбург. Не то что бы там ждали меня какие-то важные дела или деловые встречи. Нет. Сын моего питерского приятеля, закончив аспирантуру в Питере, отправился улучшать своё образование в Страсбург. Так как он был умницей, французкое государство выдало ему такую стипендию, что он преспокойно мог и жить, и учиться. Артур за какие-то шесть лет почти в совершенстве изучил французский и английский, начинал успешно коммунизировать на немецком языке. Артур был одарённый и старательный паренёк. Он-то и пригласил меня посетить его в его новом городе на пару дней. Так как со всеобщим кризисом дел особо никаких не было, после долгих оттяжек я всё же воспользовался его приглашением.

Достаточно быстро преодолев эти 500 километров с небольшим хвостиком, разделявшие его жилище от моего,

я въехал в залитый огнями полуночный город, к вокзальной площади . Не думаю , что сам город так поразил меня . Он был торжественный, немного помпезный, нарядный. Может оттого, что я уже достаточно посмотрел подобных городов, показался он мне чуточку неуместным в этой своей приукрашенной чопорности. Разобравшись с картой и адресом своего приятеля, я не без труда запарковал машину и позвонил ему в дверь. У Артура был вкус и амбиции, он снял своё жильё в одном из самых дорогих районов, в вилле, где жили представители посольств и даже английский барон. Тихий респектабельный район по соседству с большим парком и полицейским участком для спокойного чувства безопасности. Пусть квартирка и была в полуподвальном помещении особняка, с крохотной кухонькой и душевой кабинкой прямо в ней, с двумя малюсенькими одноместными кроватками, зато здесь была такая нужная изоляция и удалённость от всех этих представителей бывших колоний-«республик», как Мороко, Алжир и Тунис, что Артур был по-настоящему счастлив этим своим «подвальчиком» при особняке.

Мы сидели за столом и говорили взахлёб о нашей жизни, пытались допить бутылку красного вина, купленную мной в Люксембурге и этот вечер перешёл сначала в ночь , а потом и в утро. Спать мы улеглись в пять, а в восемь, уже помолившись и приняв холодный душ, я стоял и ждал пробуждения Артура. Он как чувствовал мой приход и перед самым моим приездом купил большую пачку зелёного чая. Я уже за-

варил и выпил пару чашечек, отправился будить своего приятеля. После постного, но здорового заврака мы вышли из дома, перейдя во власть этого монументального и солидного Страсбурга. Мы шли по середине аллеи Победы, был мягкий и немножко серый октябрьский день, слева и справа двигались трамваи будущего – совершенно футуристические, которыми жители города так гордились.

Перед моим приездом Артур настойчиво попросил, чтобы я ему привёз кипу, и теперь он гордо и без стеснений шёл в этой маленькой чёрной бархатной шапочке, ритуальном головном уборе еврейского народа. В самом центре города, как казалось мальчику, никаких проявлений антисемитизма не было, и Артур мог явно и в удовольствие чувствовать себя евреем. Таких тонкостей как косые марокано-алжирские взгляды, он, по недостаточности жизненного опыта и лёгкой своей эйфории, не замечал.

Помимо перечисленных выше языков, знал Артур ещё и святой язык – иврит, который выучил добровольно и с большим желанием. Уровень был таков, что он мог свободно общаться и писать на этом языке. Семья у Артура была совершенно русская или украинская , ничего религиозного ему не навязывалось и не прививалось. Лишь, может, фамилия както связывала этого юношу с загадочным народом, к которому Артур так стремился. В переводе на русский она звучала, как Верблюд. Так или иначе, каждый хочет найти свои корни и разобраться в себе и своей душе, и я думаю, что Артур был

на верном пути и его внутренний компас не обманывал его.

Артур, проживший достаточно в этом городе, быстро насытился прогулкой. Я , видавший множество подобных городов с их изобилием магазинов и каменных изваяний-идолов, тоже потерял интерес к бесплодной ходьбе.

Решили, что теперь непременно надо посетить местную синагогу.

Посреди старинного района, окружённая раскошными особняками, прижатыми боками к друг другу, среди бурой зелени поздней осени стояла она. Хотя, если дать волю фантазии и излагать события аллегорично, я бы написал , что это громадное здание, служившее культовым и культурным учреждением, не стояло, а присело на корточки, от неуверенности втянув голову в плечи. На голове покоилась старая обветшалая кипа , которая была этому зданию куполом из бронзы, позеленевшему от времени и забот. Вокруг синагоги стояли многочисленные ограждения и их лабиринтом мы были выведены к центральному входу. Внутрь нас не пустили. «Только для членов» – был короткий ответ на французском. Я, воспитанный в духе советского еврейства , по лозунгу «синагога – дом каждого еврея», не отставал от Артура , чтобы тот продолжал переводить мои вопросы, пока не будет получена какая-то ясность. Артур, застенчивый паренёк, не перечил мне, и, в конце концов, мы добились того, что могли примерно через час с небольшим прийти на Минху – дневную молитву. Мы вышли из синагоги, в которую

входили и выходили различные люди и школьники в разноцветных чепчиках-кипах. Я знал такого типа синагоги, которые в моих глазах были не более, чем какой-то еврейский клуб, нежели Дом Молитвы. Из моего опыта, в таких местах каждый занят больше собой и на особое тепло и на радушие рассчитывать не приходится.

Мы вновь брели в сторону центра, думая, как занять появившееся незанятое время до начала молитвы. Возвращаться особо не хотелось. Разве что из интереса и желания впечатлений. Сделав очередной вялый кружок по центру, мы с Артуром опять медленно приближались к этому каменному скрюченному великану с позеленевшей кипой. На последнем перекрёстке перед нашей целью, в ожидании зелёного сигнала светофора, с другой стороны улицы, приближался белобородый мужчина в чёрном сюртуке. Я спросил его на иддише:

– а есть ли ещё другая синагога, кроме этой?

– идите за мной, – только и обронил в ответ этот человек , оказавшийся раввином.

Другая синагога оказалась на этой же площади, почти напротив центрального здания, стоявшая неприметная в рядку со своими соседями. О ней Артур не знал. И как ни доказывал я ему, что должна быть ещё община, он только пожимал плечами.

По пути рав нас расспрашивал, кто мы такие и как нас зовут. Имя того раввина Шлезингер. Когда я видел его перехо-

дящим перекрёсток, я уже тогда почувствовал, что я с ним «на одной волне». Дай Б-г здоровья и мира этому человеку и его семье .

Минха (послеполуденная молитва) прошла. Артур был первый раз на таком мероприятии и ему всё нравилось. Он даже пытался раскачиваться в такт молитве, как другие, и читать по молитвеннику. Текст он читал легко, а к пониманию надо было привыкнуть, так как он изучал всё же современный язык, отличающийся от языка молитвенника. Но Артуру всё очень понравилось, он был так увлечён, что даже когда мы возвращались в его квартирку, он своими мыслями не мог расстаться ни с этим домом, ни с таким духовным и проникнутым действием в нём. Я решил, что если не поговорю с Артуром, то грех, как нас учит Тора, будет лежать на мне. Я отложил беседу до вечера, который за потоком событий дня наступил так быстро, что момент разговора с приятелем неотступно стоял передо мной.

– Артур, – сказал я, – это здорово , что тебя так тянет к этой вере. И язык ты знаешь, и желание у тебя сильное, но знаешь ли ты, что чтобы стать евреем по-настоящему, тебе не хватает маленькой, но жизненно важной детальки? Знаешь ли ты, какое значение имеет обрезание? Знаешь ли ты, что эта заповедь – всем заповедям заповедь? Что даже рождённый еврей не может молиться с другими евреями, если он необрезанный?

Всё это я говорил как можно приветливей и участливо.

Вопреки моему ожиданию, Артур не встретил мою речь энтузиазмом. Он даже весь сник. Я понял другие причины такой реакции и сказал: не волнуйся, я помогу тебе со всем. Мы сделаем и гиюр, и всё остальное, что необходимо – у меня есть знакомые раввины. Но причина, к моему удивлению, была не в этом.

– Нет, – серьёзно и решительно сказал Артур, – я боюсь.

– Да что ты, сделают обезболивание , всё стерильно.

– Нет, – насупился Артур, – я другого боюсь. Если вдруг опять начнутся гонения, тогда и мне – конец? В войну же немцы проверяли и по этому признаку!

Я молчал, не зная, что сказать. Передо мной стоял не юноша, а молодой взрослый мужчина, сознательный и образованный. Он очень хорошо знал, что говорит. И такие его слова не были ни заблуждением, ни недопониманием. Он давно всё обдумал и решил для себя, преодолев и поборов возможные сомнения и угрызения. Он стоял очень твёрдо и убеждённо на этой своей точке зрения. Ему в целом нравился иудаизм, только не целиком, а частями. Упаси Г-дь винить за это людей. Ведь в человеке так заложено, что он из всего пытается извлечь самое вкусное и лучшее. Поэтому наверно и есть евреи, которые единственный из всех народов согласились взять на себя **полностью** весь свод законов – Тору. Исполнять и слушать. Евреи и другие народы, – думал я, а в то же время, непроизвольно пришла ко мне на ум такая сценка. И я не оставил её себе единолично, а , полагая, что

мой товарищ тоже имеет право на неё, поделился с ним.

Вижу я перед своими глазами Страсбург, ту же площадь и синагогу. Время и место – то же, политическая ситуация – другая. Мы, все вместе, сидим в этой страсбургской синагоге, молимся, как вдруг окружают улицу и здание бронированные машины, врываются военизированные молодчики и начинают выводить всех присутствующих на улицу и сажать в автомобили. Направятся впоследствии эти машины в какой-нибудь лагерь или всех участников повезут сразу на расстрел и ликвидируют где-то за углом. Когда двое из молодчиков хватают Артурку за руки и тащат вместе с другими вон, он отчаянно вырывается и кричит сразу на всех языках одновременно:

– я не еврей! Да не еврей же я! Отпустите! Я в гостях!

Когда он видит и понимает, что на его слова вообще не реагируют , то, вырываясь , он срывает с себя штаны, берёт двумя руками своё необритое мужское достояние и, демонстрируя его, истошно и на срыв вопит:

– Ну глядите, глядите! Вот же, вот! Я в гостях!

Опешившие от такой бурной демонстрации, нацисты и, видя, что в представленном объекте явно нет никакого подлога, они отпускают его.

На улице же, в воронок, продолжают усаживать евреев. Переполненный фургон удаётся закрыть вместе с прижатыми и раздавлеными пальцами и сломанными рёбрами. Нако-

нец воронок трогается. На улице стоит радостный Артуша и машет нам, всем в воронке, руками и вдогонку кричит:

– До свидания, до свидания! Не волнуйтесь, я буду вам передачи приносить! О ревуар!

Артур стоял в звуках моих, только что отзвучавших слов, с нелепой улыбкой на губах . Он корректно и вежливо отвечал мне этим самым на мою улыбку.

– Ну, – пролепетал он, – всё, наверное, не так.

– Да нет, Артур, это только так, фантазия , на наши **общие** еврейские темы, – успокоил я его и потрепал по плечу, – всё хорошо.

Мы брели дальше по этому надувшемуся солидностью городу и молчали. Через голову каждого шёл поток своих мыслей и размышлений . Я не знаю, что думал Артур, но, думал тогда, что, к сожалению, его точно не занимал вопрос выбора.

Брит или не брит. Быть или не быть. Стать или оставаться.

Послесловие

Вернувшись из Страсбурга, был на шабатной службе в синагоге голландского города Бреда. После службы и трапезы эдаким эхом страсбургского эпизода был разговор с предсе-

дателем местной общины и моим соседом Филиппом Сюзаном. Он с грустью сетовал, что «галахические» евреи , угрожают ему своим уходом из общины, если их приятелям неевреям и не прозелитам не будет разрешено молиться со всеми в миньяне, на общих правах. Так как же, у нас клуб по интересам или дом Молитвы? И всё опять тот же непреходящий вопрос:

Быть или не быть ?! Побыть или остаться ?

Пусть, с Б-жьей помощью, у каждого истинно желающего присоединиться к святому народу будет достаточно сил и выполнять и слушать, и быть, и оставаться.

Пусть всем им даст Всевышний благословение и сделает их сильными, сильными и ещё сильнее. Для жизни и для мира. Навсегда.

Питерская мозаика

Далёкая близкая моя приятельница, Марина Калинина, бойкая девочка-комсомолка без возраста, доброе сердце, палочка-выручалочка. Я познакомился с ней на улочке, где когда-то текла речушка с бодреньким названием Таракановка.

Пережив различные периоды становлений и падений в нашей Советской стране, она оставалась на плаву. Встала в бухточке бывшего проектного института, «разбитого» на множество разных помещений, сданных под разные фирмы и фирмочки. Свою фирмочку она назвала «Оздоровительный центр» и годы продолжала это своё предпринимательство, переживая больше невзгод, нежели удач. Тогда в 1989 году она встретила меня на этой самой Таракановке, освободившегося, прошедшего «малый круг» хождения по мукам разных лагерей и тюрем. Я стоял растерянный, в домашних тапочках, из колонии, в устаревших вещах шестилетней давности, несуразный, с мусорным ведром, словно не сознавая до сих пор, где нахожусь. Тогда в мае 1989 она проявила ко мне неподдельную доброту и участие, общаясь просто и открыто. Такая для меня она и осталась. Десяток лет мы не виделись, лишь изредка перезваниваясь. И только в следующем веке, через 13-14 лет после первой встречи, случилось нам увидеться вновь.

Я надеюсь, что эти беседы были для неё так же приятны,

как и для меня. Хотя одно беспокоило её явно. Она никак не могла переработать мысль, что я, в каждую очередную встречу, разительно, по её мнению, меняюсь . Никак не могла она поверить в искренность и увидеть закономерность . Очень хорошо относясь к этому человеку, я написал для неё следующую притчу.

Выращенное в трущобах

Старый садовник не смог больше обрабатывать свой сад и уехал жить в город. Поселился он в одном из трущобных районов серого громадного города. Как-то чистя свой старый сюртук, он сунул руку в карман и обнаружил там старые засохшие зёрна. Да, обычные семечки. Только семена те были все разные, от разных растений, а от каких – старик уже знать не мог.

– Что ж, посажу я их у нас во дворике, посмотрим что вырастет.

Взял старик эти семена и на кусочке земли, оголившейся от вспухшего и треснувшего асфальта, посадил их в почву.

Жил старик в доме, стоявшем лицом к лицу к другому дому. По бокам также тесно стояли дома. «Колодец» – так назывались эти дворики в том огромном, сыром городе. Солнце еле пробивалось через стены – в этой стране солнечные дни были редкостью – лишь в вечерние часы перед заходом оно успевало коснуться земли и согреть пробивавшиеся ростки. Время шло, растения росли, и вначале они почти не отличались друг от друга. Все были серые и блёклые. Потом,через какое-то время, можно было уже отличить проявлявшийся чертополох, кустик, принимавший очертания крапивы, хилую осинку. Одно деревце оставалось непризнанным.

Это непонятное для других растение с самого начала пытались оттеснить, заслонить от живительного света. Чертополох колол колючками, другие растения жгли, бросали тень, душили своими корнями молодой побег. Но деревце продолжало жить. Тоненькое и пропылённое, оно тянулось к свету, жадно хватая редкие лучи солнца. Оно было неприглядным: какие-то ветки обломали прохожие и ветер, какие-то листья, не успев расправиться, завяли, кора трескалась от недостатка влаги. Но вот чудо: та непостижимая сила, которая сидела в семени, толкала и толкала рости деревце вверх к солнцу. Оно всё время изменялось: то оно казалось ненужным кустарником, то, выпустив вновь свежие зелёные листочки, радовало глаз.

Садовник уже потерял интерес ко всем своим насаждениям. Забыл о них и даже перестал поливать. Но всё та же сила заставляла деревце тянуться вверх, оно глотало капли дождя, подставляя листья ветру. Тянулось к вожделенному солнцу. Вокруг от прежних соседей не осталось почти ничего: высушенные стебли да обрывки жёлто-бурой травы.

В один день старик проходил мимо дворика и обомлел: одиноко и гордо стояло тонкое и гибкое высокое дерево. Оно так выросло, что верхние листья изумрудом переливались на солнце; на ветвях сидели птицы и пели гимн жизни. Его ветви так окрепли, что ветер их больше не ломал, а лишь играл с ними, как с равными.

Старик смахнул слезу и подумал, что, пожалуй, это хороший подарок и его трудам, и его старости. Думал он и о семечке размером с пылинку, и о том, какая может произрасти сила жизни, которая вырвется из мрака камней и, несмотря на серое, могильное окружение, будет жить ради солнца и света ради тёплых животворящих лучей .

– Жить ради света, где б ты не был, – думал садовник, – жить ради света.

Голубки

Жили-были две голубки. Мать и дочь. Белочка и Розочка. Жили они одни. Отец Розочки, красивый, сизый голубь, попал однажды на огромный океанский лайнер, который перевёз его в другую страну, на другой конец земного шара, и он больше никогда не сумел оттуда вернуться. Он нашёл себе другую голубку и жил с ней в мире и счастье. От этой любви у них появилась маленькая милая девочка-птичка. Так и жили они в громадном новом городе по имени Новый Амстердам.

И осталась Розочка с мамой в свои два годика. Мама очень любила свою Розочку. В приливах любви она обнимала её своими крыльями и целовала клювиком. Целовала так страстно, что от этих проявлений материнской любви оставались царапины, ссадины, синяки, вырванные перья. Розочка очень любила свою маму, но страдала без отца. Миновав период птенца и, став подростком, её тоска по отцу стала настолько невыносимой, что она отправилась к нему через океан.

У отца она прожила долгие годы. Она хорошо выучила язык той страны, но не получила желанного и такого вожделенного тепла. Большинство любви её дорогого отца пошла на её маленькую сестрёнку. Сердце Розочки все больше тянулось обратно к матери, и она стала стала собираться обратно в дальнюю дорогу через океан.

Мама Белла была несказанно рада своей дочечке. За все эти годы она привыкла жить одна в просторном гнезде, чувствуя себя ничем не скованно и фривольно. Теперь надо было потесниться. Любовь к дочери и чувство тесноты сталкивались в сердце у Белочки, и она ещё сильнее сдавливала свою дочь, так что хрустели косточки и острый клювик любящей матери оставлял больные следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.